

УДК-32:323(470+571)

## ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ВЛАСТИ: НАДЕЖНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?

*Т.Г. Ндайишимийе<sup>1</sup>*

В статье проанализированы разные аспекты функционирования российской власти с другими политическими акторами через призму политических традиций. Российская власть рассматривается в качестве основного политического субъекта-новатора, сознательно не допускающего других акторов к управлению страной, тем самым создавая и укрепляя традиции непримиримости и отсутствия диалога между потенциальными политическими участниками, в результате чего гражданское общество и его институты исторически не выработали способность к политической самостоятельности.

*Ключевые слова:* продуктивность власти; политические традиции; способы управления; политические акторы; «фасадная» демократия.

Любое государственное образование может эффективно существовать только в условиях непрерывного развития. При этом под развитием понимаются не только внедрение и усвоение нового, но и сохранение прежнего опыта с рациональным обеспечением преемственности поколений. В разных государствах на разных этапах развития одни акторы сменяли других, выступая инициаторами изменений и развития своей страны. Такая смена «активистов» одни государства приближала к демократии, другие – отводила от неё. В данном контексте своеобразен опыт России, который свидетельствует о том, что во все времена единственным инициатором сколько-нибудь значимых изменений в стране выступала власть, к этому не привлекался народ и его законные представители (мятежи, революции здесь не рассматриваются в силу отсутствия у них конструктивного потенциала). Это так называемый «принцип конструирования общества “сверху вниз”» [12; 12]. При этом на основе данного принципа строилась и вся политическая система.

Следует отметить, что в силу того, что российская власть стояла и стоит у истоков практически всех нововведений в стране, необходимо исследовать проблему продуктивности деятельности главного «двигателя прогресса», на которого ложится весь груз ответственности за такой «прогресс».

подавляющее большинство россиян, имеющих даже самые скромные представления о демократии, сможет перечислить те основные демократиче-

---

<sup>1</sup> Ндайишимийе Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: TANUSHKA-KARPOVA@YANDEX.RU.

© Ндайишимийе Т.Г., 2015

ские ценности, без которых теперь практически невозможно вообразить современную Россию, но которых никогда не было в прошлом. Это перечисление возможно даже путём сравнения с СССР, а именно: альтернативные выборы, двухпалатный парламент, относительно самостоятельное МСУ, беспрепятственное пользование продуктами деятельности СМИ (в том числе и сети Интернет), гласность, экономическая свобода и самостоятельность (развитие бизнеса), культурный обмен со всем миром – это несомненные атрибуты демократии. Стоит также заметить, что эти ценности невозможно было бы реализовать в реальной политической жизни без участия господствующей власти и её решений. Следовательно, продуктивность власти высока, так как все её начинания иницируются для народа.

Однако одновременно с этим большая часть россиян, не знакомых с демократией даже поверхностно, отметит, что жить в стране тяжело, повсюду (даже в «свободных» СМИ) обман. Откуда такой парадокс? Неблагодарность населения или имитация созидательной активности власти? К сожалению, реальность демонстрирует фактическое закрепощение.

Такая двойственная социально-политическая обстановка начала складываться в России в 1990-е гг. после распада СССР. Кардинальные изменения происходили во всех областях: в политике, в экономике, в культуре, в социальной сфере. Тем, кто становился у власти, хотелось глобальных перемен: демократии, либерализации экономики, приобщения к ценностям западных культур. Однако непрофессионализм инициаторов реформ, неподготовленность населения к новым условиям и ряд других объективных причин привели к тяжёлым последствиям: разочарование в идеях демократии со стороны народа, излишняя независимость регионов повлекла ожесточённый сепаратизм (Чеченские войны) и в дальнейшем усиление вертикали власти, многократно увеличился разрыв между разными группами населения и ряд других негативных последствий. Все эти обстоятельства демонстрируют несостоятельность тех идей, которые были призваны сделать Россию демократической страной. Демократия не сложилась ни в одной из упомянутых сфер жизни, напротив, население острее почувствовало собственную уязвимость и малозначимость в масштабах государства. Лишившись государственной поддержки после распада СССР, народ не получил взамен возможность достойно существовать в социальной среде самостоятельно. Вместо этого люди вынуждены «брать курс» на выживание. Каждый сосредоточен исключительно на себе, гражданская позиция нечётко выделена либо её нет вообще. В подобных условиях демократия среди ценностей стоит на последнем месте, при этом экономическое благополучие – на одном из первых.

Такое положение дел устанавливает непреодолимую дистанцию, возвышающую власть-инициатора над пассивным народом-потребителем. Здесь явно выступает проблема «непричастности», когда, например, по результатам опроса населения о сущности власти видно, что большинство россиян вос-

принимает власть как нечто далёкое и им не доступное; люди не понимают, кому она принадлежит и кто ею распоряжается. Вместе с тем народ ощущает непреодолимую дистанцию между ним и властью, которая понимается населением так: «Обычные люди нужны власти только для выполнения определённых функций голосования или приветствия и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия» [14; 162, 165]. На основе чего становится очевидным, что население живёт «под колпаком», причём он прозрачен для власти и непроницаем для населения. В таких условиях крайне сложно «прислушаться» к основам демократии, сделать их частью политического общения. Все кризисы, застои, сломы системы в России в первую очередь ощущает на себе население, в подобных тяжёлых условиях главное – выжить, пережить, приспособиться.

Однако такой политический расклад нельзя назвать исключительно порождением современной России. Такое взаимное отчуждение прослеживается в рамках становления всей российской политической культуры, эта важная проблема далеко уходит корнями в традиции. Итак, российская трагедия заключается в том, что методы разные, а итог всегда один.

Современная российская действительность есть прямое отражение прошлых «властных поколений». Россия зависима от собственных традиций [5; 78]. Многие казусы, парадоксы и феномены можно понять и объяснить, только обратившись к истории. Таким образом, заявленную в качестве проблемы исследования продуктивность власти необходимо анализировать в контексте политических традиций.

Становление и укрепление политических традиций в России имеет ряд специфических особенностей, которые в конечном итоге влекут неизгладимые негативные последствия. Так, накопление или заимствование нового опыта при одновременном сохранении и консервации отживших, устаревших, неэффективных, но привычных основ жизни, порядков, правил неизбежно будет способствовать укреплению универсальных «неизживаемых» традиций, которые безопаснее сохранить, «не трогать» и оставить «как есть». Эти традиции становятся настолько привычными, что не поддаются никакой корректировке или замене, укрепляясь в сознании и поведении своих носителей со временем. Это в своё время отметил М. Н. Карамзин, не соглашаясь с намерениями императора Александра I расширить права крестьян в «неподходящее» время, которое Карамзин считал безвозвратно упущенным. Так, он писал: «Тогда они [крестьяне во время полного своего закрепощения Б. Годуновым] имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов». Такое видение судьбы демократии в России отчасти имеет рациональную основу. Здесь в качестве примера, подтверждающего отмеченную тенденцию, стоит вспомнить отмену крепостного права, так как несколько десятилетий спустя после его отмены положение крестьян практически не изменилось. Им не нужна была свобода, они не умели ею пользоваться.

Далее Карамзин высказывает свою убежденность в том, что «...для твёрдости бытия государственности безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу» [6; 74]. Однако в этом случае вряд ли стоит соглашаться с таким категоричным утверждением, хотя бы потому, что российское самодержавие (и его современное обличье) всегда старалось заручиться поддержкой народа (хотя бы формально), демонстрировало служение «общему делу» (в том числе и с помощью религии). Поэтому бесконечно закабалить народ, на который приходится рассчитывать, невозможно.

Очевидно, что такая политическая система изначально базируется на порабощении, угнетении народа при одновременном обогащении и неограниченных возможностях властной элиты. Такую систему можно назвать правлением «упорядоченного хаоса», когда продажность и халатность русских чиновников расценивается как позитивный элемент системы. При этом стабильность и работоспособность этой системы обеспечивается за счёт таких чиновников, которые «правят» спустя рукава [1; 78]. Эта традиция прочно укоренилась в системе российского управления. В России каста чиновников либо «зарывается» в правилах, либо не утруждает себя изучением этих правил и действует на своё усмотрение (что больше характерно для России).

Такое положение дел справедливо можно назвать беспорядком, смутой, диссипацией базовых элементов [12; 31]. Примечательно, что ряд отечественных исследователей рассуждают о российской политической системе не как о неприемлемой для человеческого существа, рассматривают дефицит демократии не в качестве отрицательных сторон системы и культуры, но видят в этом некие скрепы, за счёт которых существует весь «политический организм». Вероятно, такая традиция сложилась в России под влиянием негативных исторических обстоятельств, например, во времена нашествия Золотой Орды только хитрость, изворотливость, сокрытие правды помогали князьям получить ханский ярлык. История России также знает примеры раздела власти между императорами (точнее императрицами) и фаворитами, раздела земель и ресурсов с подачи императоров между крупными землевладельцами; безусловно, такие и им подобные факты не могли не способствовать развитию коррупции.

Вполне очевидно, что политические и управленческие навыки современной российской власти имеют богатую историю и уходят корнями в прошлое. Именно поэтому при исследовании феномена политической власти в современной России нельзя пренебрегать так называемой «живой» историей, которая во многом влияет на формирование нынешнего облика власти и способов её деятельности. Линию поведения российской власти определяют традиции, которые формировались и укоренялись веками.

При этом важно отметить, что сущность исторически самого активного актора политической жизни в России – власти – состоит в том, что его [актора] основа содержит в себе различные характеристики и параметры. Речь идёт о складывающихся взаимодействиях с другими (в том числе потенциальными)

акторами и о методах управления. Так, традиции формирования и деятельности российской власти можно исследовать в разных «ракурсах» для анализа современной политической ситуации в России. Поэтому при исследовании нашей страны целесообразно для составления более полного политического обзора современности изучать феномен власти с позиций **власть в себе, власть и элита, власть людей и власть учреждений, единоличная и коллегиальная власть, центральная власть и власть в регионах (имперские амбиции)**.

Современное положение российской публичной политики явно демонстрирует ориентацию субъектов власти на себя и сосредоточение **власти в себе**. Практически все публичные действия, заявления (о непубличных судить не берёмся) представителей власти открыто демонстрируют их убеждённость в собственной исключительной компетентности: единственный безопасный способ народного волеизъявления в России – выборы (при условии, что они не фальсифицируются), другие же способы политического участия не доступны широкой публике, поэтому все важные властные представители решают, уповая только на собственные знания и профессионализм. Население же либо сознательно дистанцируется от возможности собственного участия в государственных делах, либо не знает своих прав и не умеет ими пользоваться, уповая на «высшие политические силы». Так, 55% граждан России отождествляют главу государства и суверенитет, называя президента главным источником власти и носителем суверенитета [12; 16]. Население не считает себя государствообразующим началом и носителем суверенитета, как и не рассчитывает на то, что выбранные им президент и депутаты как представители интересов своего народа будут активно доказывать и реализовывать то, что их избиратели достойны жить в демократическом государстве.

Такое осознание народом собственного места в своём государстве объясняется сложившейся традицией российской власти оставлять за собой возможность решать все вопросы управления (причём не только населением, но и ресурсами). Так, при Иване IV земли делились на земщину и опричнину, тем самым нарушались элементарные основы местного самоуправления; истинное законодательство возникло только с появлением парламента (при этом оформилось не сразу); выборность встречалась только на локальном уровне; официальное рабство отменили лишь в 1861 г., в то время как некоторые другие государства в то же самое время вполне могли считаться демократическими. Такое позиционирование доступности (в случае России недоступности) властных полномочий и ротации отправляющих её субъектов свидетельствует о закрытости власти, а следовательно – непрозрачности. Эта традиция ведёт начало ещё с царских времён, что позволяет провести сходную параллель современной России с единодержавной империей.

Однако очевидно, что единодержец (будь то царь или президент) и его ближайшее окружение не способны эффективно отправлять власть в стране, совсем не привлекая иных политических акторов, в любом случае доступ к вла-

сти (даже самый минимальный) получают или завоёвывают и другие группы. Поэтому важно также понять суть взаимоотношений **верховная власть – элиты**. История гласит, что высшая власть России всегда неохотно делилась рычагами управления и ресурсами страны с любыми политическими субъектами. Поэтому политическая элита на протяжении длительного времени всячески отстранялась от верховной власти, в том числе и от вождя российских ресурсов. Однако всё изменилось после царствования Петра I, когда дворяне стали получать от императоров всё больше и больше прав и привилегий. Так, при Екатерине II все земли во владении дворян и чиновников юридически закрепились за ними, это способствовало тому, что контроль короны над землевладельцами исчез, таким образом население было отдано им в эксплуатацию, самодержавие больше не заступалось за простолудинов перед элитой [10; 185].

Такое положение способствовало мобилизации всех имеющихся у элиты сил, для того чтобы приблизиться к власти, которая всегда считала высшие слои своими «агентами», укрощала их порывы; «в моменты ослабления верховной власти аристократические элементы пытались её ограничить или даже заместить собою» [3; 36]. Поэтому союзниками верховная власть и элиты в нашей стране никогда не были. Эта традиция «ведения диалога» с властью прочно укоренилась в мыслях и действиях российской элиты, современная Россия «работает» по схожему сценарию. И даже советский опыт построения общества ненакопления не стёр эту традицию из политической культуры России. Нет согласованности и доверия между основными участниками политической, социальной, экономической жизни – властью, элитой и народом.

Российский народ был несправедливо отодвинут «на обочину» политики и истории, при этом была исключена даже возможность приблизиться к властному центру. Тем временем российская элита продолжает «засматриваться» на власть, оставляя народ далеко за пределами «властных» перипетий.

Также очень непростым, но важным моментом при исследовании традиций власти в России является витиеватое переплетение **власти людей и власти учреждений**. Здесь принципиальным становится то обстоятельство, что зачастую их функции либо нечётко различимы, либо явно подменяют друг друга. В этой среде также проявляется отчётливое влияние традиций. С одной стороны, усложнилась система институтов, организаций, это, определённо, признак того, что многогранную, усложнившуюся (в плане разветвлённых социальных, политических, экономических и иных отношений) жизнь государства и общества необходимо регулировать по-новому; с другой – усложнению системы госуправления придали культовое значение, форма стала важнее людей [6; 98]. Таким образом, истинная цель создания разветвлённой сети различных учреждений, правил, процедур (полный охват всех возможных вопросов регулирования усложнившихся государственных отношений) стала сводиться лишь к тому, чтобы создать хоть какое-то движение в этом направлении: разделить, упразднить, переименовать, изменить подведомственность.

Однако «в российской системе «вместилище памяти» – политик, чиновник, но не институция», как следствие «... смена лиц на посту президента РФ оборачивается у нас существенным стрессом для всей системы коллективного политического мышления» [4; 33]. Это действительно так: смена занимающих любой крупный политический и государственный пост приводит не только к смене всей их команды, но и к изменению приоритетов во внутренней и внешней политике, происходит передел собственности и сфер влияния в стране. Поэтому можно заключить, что в России традиционно сильна власть людей, прочно укрепившихся на высоких постах, во многом поэтому ротация и выборность в нашей стране традиционно вызывают у населения чувство неуверенности и неопределённости, от них население ничего положительного не ожидает. Это вносит некий элемент загадочности и непредсказуемости будущих событий.

Здесь можно закономерно перейти к следующему измерению традиций политической власти в России - **единоличная и коллегиальная власть**. Российская политическая культура содержит устойчивую традицию персонификации власти. Верховная власть традиционно отождествляется с определённой личностью, сосредотачивающей полноту власти в своих руках. Одновременно эта личность находится в ответе за переделы сфер влияний, владений и собственности в стране. Так как в России политическая конфигурация предопределяет экономическую, именно президент является главным олигархом «империи», даже если сам ничем не владеет [11; 168–169]. Это обстоятельство, в свою очередь, порождает ещё одну традицию – клиентелизм, основу обновлений и альтернативу ротации. Привязка всех политических событий, изменений к какому-либо лицу – характерная отличительная черта всей российской политической истории.

Значение коллегиальной власти в России целесообразно рассматривать сквозь призму реализации принципа разделения властей, а именно: взаимодействие единоличной власти в лице президента и коллегиальной власти, представляющей интересы населения, в лице парламента. Здесь также важно отметить влияние традиций.

Таким образом, значение коллегиальной власти в России оформилось в следующие традиции. Во-первых, исторически ограниченная роль законодательных органов (и во времена зарождения парламентаризма в России, и теперь) [2; 36]. В России длительное время законами служили царские указы и мораль, поэтому роль законотворчества воспринималась как второстепенная, даже лишняя. При этом во времена зарождения парламентаризма в России депутатов не отличали от чиновников и с их помощью пытались возместить недостаток рук.

Во-вторых, и в начале XX в. исполнительная власть была убеждена, что «У нас парламента, слава Богу, нет» [2; 36] (по выражению Коковцова), и сейчас «Парламент – не место для дискуссий» (Грызлов). Как уже было отмечено, авторитет у населения ни российский парламента, ни его депутаты заслужить не

смогли. Возможно, и сейчас часть населения считает депутатов чиновниками, а не своими представителями, по-прежнему не доверяя им.

В-третьих, привычная установка на конфликтные формы взаимодействия властей, главная цель – «уничтожить врага» в лице представителей других ветвей власти. Таким образом, Государственная дума изначально не соответствовала тем задачам, ради которых создается любой парламент. Основной своей функцией она считала «побороть» верховную власть, поспорить с ней (в нынешней России, напротив, – поддержать и послушно выполнить её решения). Об этом свидетельствуют многочисленные расколы внутри Думы, отсутствие единства при принятии каких-либо решений, а также рационально не обоснованные роспуски парламента, инициированные Николаем II. Законотворческая и представительская функции отодвигались на второстепенные места. «В Думе выдвинулась целая плеяда видных ораторов... но ни одного крупного политического деятеля, обладавшего подлинной государственной мудростью, надлежащей силой воли, понимающего народ» [13; 440]. Судя по всему, такой формат взаимодействия с отсутствием *конструктивного* диалога между единоличной и коллегиальной властями прочно укрепился и в современной России.

Отдельно следует отметить традиции взаимодействия **центральной власти с регионами страны**. Такая политика России нередко именуется имперской. Эта сфера функционирования власти не в меньшей степени, чем все ранее упомянутые, строится на основе многовекового опыта, несмотря на то, что политическая система и политический режим претерпели существенные изменения (по крайней мере, де-юре).

Российская империя создавалась и действовала как вотчинное государство, так как корона имела монополию на политическую власть, на землю, торговлю и промышленность, контролировала все социальные слои и была способна изолировать их от нежелательных иноземных влияний [10; 150]. То есть все богатства, ресурсы страны были в полном распоряжении центральной власти, регионы фактически ничего не имели.

Однако огромную страну необходимо было держать в повиновении и исключить сепаратизм. Каким бы тотальным и несправедливым ни был режим, без налаженной связи с провинцией он не сможет существовать (эксплуатация может вполне считаться в России налаженной связью с регионами). В этой связи на откуп местным властям отдавались деревни вместе с людьми, земельные угодья, предоставлялась полная независимость в решении каких-либо вопросов. Например, полное бесправие крестьян, уже сложившееся к началу XVIII в., было подкреплено в том числе независимостью помещиков при наборе рекрутов [19; 167]. Так зарождалась и набирала силу традиция всевластия «региональных баронов» [16; 6].

Современная ситуация с российским федерализмом практически ничем не отличается от сложившейся ранее схемы. Укоренившаяся традиция отношения центральной и региональных властей получила название ресурсы в обмен



на лояльность. Таким образом поддерживается легитимность российской власти и происходит адаптация её имперского прошлого к современным условиям [15; 118]. Поэтому можно однозначно констатировать негативное влияние так называемой «живой» истории на современную политическую обстановку в нашей стране.

Однако как бы ни были крепки и всеобъемлющи политические традиции, определяющие модель поведения власти в современной России и способы реализации этой модели при взаимодействии с другими акторами, «... для понимания сущности власти необходимо выяснить, как достигается подчинение людей» [9; 27–45]. С этим утверждением сложно не согласиться. Действительно, как было отмечено ещё в начале статьи, власть только тогда может считаться продуктивной и эффективной в своей деятельности, когда эта деятельность пойдёт на благо населения. Как же обстоит дело в России?

Следует отметить, что современная ситуация «несотрудничества» населения и власти – результат длительных противоречий, трагедий (например, неоднократный распад государства), которые возникали в истории нашей страны (при разных режимах и руководителях). Поэтому можно констатировать наличие самой «живучей» традиции – взаимной отчуждённости между управляющими и управляемыми (именно так позиционируют себя и та, и другая стороны).

Как было отмечено, российская власть – самый активный субъект и в политике, и в экономике, и в социальной сфере. Эта власть, точнее, люди, сменяющиеся у «руля», не терпит конкуренции. Для российской власти во все времена конкуренция, плюрализм, гражданская активность – это хаос и отсутствие управляемого порядка в стране. «Конституирование другого оборачивается в России в превращение всего окружения в врагов... Призрак непримиримости другого бродит по России, порождая тягу к простым (“традиционным”) рецептам». Это ведёт к конфронтации социальных акторов, «... каждый из которых постепенно конституируется в качестве “другого” для остальных» [4; 39]. Следует отметить, что под другим понимается любой социальный актор, который может стать конкурентом власти. Это значит, что внутри государства нет согласованности в принципе. То есть в стране есть «надзиратель», который устанавливает по своему усмотрению порядки, следит за соблюдением этих порядков, и этого всем достаточно. Все остальные – это некое аморфное тело, в котором сложно усмотреть элементы самостоятельности, выделенности из остальных, это – массовка.

Уровень политической культуры России таков, что невозможно даже представить среди её элементов такие важные для цивилизованного государства составляющие, как сотрудничество, диалог, взаимопонимание при взаимодействии всех акторов. Население России никогда не воспринималось в качестве полноценного политического актора, способного действовать самостоятельно, например, при помощи свободных и доступных всем гражданам выборов,

даже в современной России выборы не ценятся ни избирателями, ни избираемыми. Если говорить о реальном положении дел в России, то народное представительство воспринимается государственной властью как естественный враг [8; 62].

При этом важно отметить, что такая ситуация стала возможной не только потому, что власть в России всемогуща при слабом и безынициативном народе, причина кроется также и в том, что власть всегда боялась народа, отсюда – желание подавить любую «несанкционированную» активность. Так, традиция «быть в курсе всего ради безопасности» имеет давние корни: избрание в 1613 г. Михаила Романова царём сопровождалось предварительным тайным подслушиванием народного мнения о кандидатуре будущего царя [3; 36]; при Петре I действовал Преображенский полк, тайно подслушивавший, что говорит о царе народ [7; 416]; созыв Думы при Николае II – желание вернуть утраченный в войне престиж [1; 77]. Такая позиция участников политической жизни значительно уменьшает шансы в продвижении нашей страны в сторону демократии. Приведённые исторические примеры отчётливо демонстрируют не столько невозможность вступления в диалог с народом, сколько нежелание делать даже попытки в этом направлении. Любое несогласие со стороны общества, с которым должна считаться власть в процессе политического диалога, может поставить под удар всю властную систему, для которой уступки считаются утратой собственного престижа.

Давно сложившиеся политические традиции функционирования верховной власти в России в разных ракурсах, направлениях внутри себя и для себя и с другими акторами политической, социальной, экономической жизни имеют авторитарный, закрытый характер, это – прямое противопоказание для установления демократии в любой стране. Ориентация на такие традиции, апелляция к такой истории и возведение её в ранг «живой», то есть постоянно воспроизводимой в различных условиях, фактически всегда будет способствовать бесконечному возвращению к авторитаризму, закрытости власти, отстранённости населения от государства и политического участия. И в таких условиях не так важно, есть ли в стране Конституция и каково её содержание.

### Библиографический список

1. Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. 2006. №2.
2. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I) // Полис. 2006. №2.
3. Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. №1.
4. Дахин А. В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. №3.

5. Журавлёв В. В. Общество и власть в России: исторические традиции и перспективы взаимодействия. Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
6. Карамзин М. Н. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. Прим. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полный курс лекций. М., 1995.
8. Кустарев А. С. Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. 2006. №2.
9. Ледаев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4.
10. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая Газета, 1993.
11. Пастухов В. Б. Третий срок Путина как альтернатива политическому ханжеству. Реплика политического циника // Полис. 2006. №2.
12. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. №1.
13. Смирнов А. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998.
14. Шестопал Е. Б. Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ. М., 2004.
15. Шишков В. В. Проблемы постимперской адаптации политики современной России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2014. №2.
16. Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность / под ред. В. И. Дятлова и К. В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2012.

### **TRADITIONS OF RUSSIAN POWER: ROBUST STABILITY OR NON-ALTERNATIVE PREDETERMINATION?**

*T.G. Ndayishimiye*

Postgraduate Student, Department of Political Science, Kazan (Volga Region)  
Federal University

The article analyses various aspects of Russian political power functioning through the prism of political traditions. Russian power is considered as the main political actor and innovator that consciously does not allow other actors to govern the country, thereby creating and strengthening the traditions of intransigence and absence of a dialogue between potential participants of the political process. As a result, the civil society and its institutions have not historically developed the capacity for political independence.

*Keywords:* power efficiency; political traditions; methods of governance; political actors; "facade" democracy.

**References:**

1. *Weber M.* Russia's transition to pseudo-constitutionalism // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
2. *Gaman-Golutvina O. V.* Russian parliamentarism from the historical retrospective and comparative perspective (I) // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
3. *Glebova I. I.* Political culture of modern Russia: images of the new Russian authorities and social schisms // *Polis*. 2006. No. 1. (In Rus.).
4. *Dakhin A.V.* The system of government in Russia: a phenomenological transit // *Polis*. 2006. No. 3. (In Rus.).
5. *Zhuravlev V. V.* Society and power in Russia: historical traditions and perspectives of interaction / Where is Russia heading for? General and specific features of modern development. M., 1997. (In Rus.).
6. *Karamzin M. N.* Memoir on ancient and modern Russia. M.: Nauka, 1991. (In Rus.).
7. *Klyuchevsky V. O.* The course of the Russian history. Complete course of lectures. Moscow, 1995. (In Rus.).
8. *Kustarev S. A.* Max Weber on modernization of the Russian autocracy // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
9. *Ledyayev V. G.* Political power: a conceptual analysis // *Management consulting*. 2009. No. 4. (In Rus.).
10. *Pipes R.* Russia under the old regime. M.: Nezavisimaya Gazeta, 1993. (In Rus.).
11. *Pastukhov V. B.* Putin's third term as an alternative to political hypocrisy. A remark from a political cynic // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
12. *Pivovarov Yu. S.* Russian government and public policy. Notes of a historian on the reasons for the failure of democratic transition // *Polis*. 2006. No. 1. (In Rus.).
13. *Smirnov A.* The State Duma of the Russian Empire. 1906 – 1917. M., 1998. (In Rus.).
14. *Shestopal E. B.* Images of the power in post-Soviet Russia: political and psychological analysis. M., 2004. (In Rus.).
15. *Shishkov V. V.* The problems of modern Russia's policy post-Imperial adaptation // *Perm University Herald. Series: Political Science*. 2014. No. 2. (In Rus.).
16. Ethnic-demographic processes and migration of society in the East of Russia: history and modernity / ed. by V. I. Dyatlov and K. V. Grigorichev. Irkutsk: "Ottisk", 2012. (In Rus.).